

УДК 811.161.1'42
DOI 10.52452/19931778_2024_6_308

СМЫСЛОВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ВВОДНОГО СЛОВА «КОРОЧЕ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

© 2024 г.

Мохаммад Мохаммадиан суге

Мазандаранский университет, Исламская Республика Иран

reportash@gmail.com

Поступила в редакцию 06.09.2024

Освещаются семантические и прагматические особенности функционирования вводного слова «короче» в современной русской речи. Материалом для анализа являются контексты его употребления, извлеченные из Национального корпуса русского языка. Показано, что в речевой реализации вводного слова *короче* имеются значительные смысловые приращения, не сводимые к его типовой семантике 'кратко говоря' в словарях и грамматиках: оно может означать 'иначе говоря (иными словами)', 'в общем', 'напротив', 'видишь ли (видите ли)', 'обрати внимание (обратите внимание)' и под. Также для вводного слова «короче» обнаружено существенное функциональное многообразие в разных речевых практиках. Делается вывод о том, что анализируемое вводное слово *короче* может выступать как мета-языковой показатель манипулятивной коммуникативной стратегии *de re*, как сигнал иронической или эмоционально-оценочной переинтерпретации последующего высказывания с позиции говорящего, как средство привлечения внимания собеседника, а также как слово-паразит, затрудняющее коммуникацию.

Ключевые слова: вводное слово «короче», семантические преобразования, прагматические функции, манипулятивная коммуникация, стратегия *de re*, слова-паразиты, современная русская речь.

Вводные слова в традициях русистики рассматриваются как особая синтаксическая категория словесных позиций, в терминологии Б.Н. Головина [1], особенностью которой является отсутствие синтаксических связей с членами предложения или с его предикативной основой в целом [2–4]: «Вводными называются слова, грамматически не связанные с членами предложения (т.е. не связанные с ними по способу согласования, управления или примыкания), не являющиеся членами предложения и выражающие отношение говорящего к высказываемой мысли, характеризующие способ ее оформления и т.п.» [5, с. 436]. В «Русской грамматике» (1980) вводным словам и сочетаниям слов дается примерно аналогичная характеристика: «К вводным словам и сочетаниям слов относится довольно обширная и легко пополняющаяся группировка лексико-синтаксических единиц – словоформ и в разной степени устойчивых сочетаний, выражающих отношение к сообщаемому или его характеристику: экспрессивную реакцию на сообщение; подчеркивание, выделение какой-то его части; характеристику сообщаемого с точки зрения его связей и отношений, достоверности или недостоверности; по характеру протекания во времени; отнесение сообщения к его источнику» [6, с. 228].

При всем разнообразии семантических классов вводных слов, в «Русской грамматике» справедливо указывается на общность всех

вводных слов и сочетаний слов по специфической функции по отношению к выражению в высказывании позиции говорящего: они всегда «так или иначе характеризуют сообщаемое с позиций говорящего, выражают отношение говорящего к сообщаемому» [6, с. 229]. Это обуславливает необходимость поставить вопрос не только о грамматических особенностях, но и о прагматическом потенциале вводных слов, реализуемом непосредственно в речи.

В наше время наука о русском языке значительно обогащает свой исследовательский инструментарий. Так, коммуникативно-прагматический и когнитивно-дискурсивный подходы [7–9] позволяют существенно расширить наши представления о семантике вводных слов, об их своеобразных прагматических возможностях в выражении самых разных намерений говорящего, в реализации разного рода речевых стратегий и тактик, в том числе не всегда кооперативных, а также, по возможности, выявить и национальную специфику их употребления в свете выражения ключевых идей и представлений русской языковой картины мира [10]. Все это в полной мере относится и к такому примечательному в плане своих семантических и прагматических особенностей русскому вводному слову *короче*, которое в своей речевой реализации демонстрирует смысловые и прагматические эффекты, не отмечаемые в русских словарях и грамматиках. В целях нашего исследова-

дования важно, что многие из указанных эффектов могут рассматриваться как коммуникативно-прагматические аномалии [11] или даже как модели языкового манипулирования сознанием, или «языковой демагогии», в духе работы [12]. Таким образом, непосредственным предметом нашего исследования выступают явления семантического расширения и функционального обогащения вводного слова *короче*, обнаруживаемые в речевой практике носителей современного русского языка.

В последнее время в русистике значительно активизируются новые стратегии научного поиска, связанные с анализом больших массивов корпусных данных, которые позволяют объективировать и верифицировать интуитивные представления исследователя о тех или иных семантических свойствах анализируемых явлений, которые не находят отражения в словарях и грамматиках. В соответствии с этим методика предпринятого исследования опирается на принципы корпусно-дискурсивного анализа [13; 14]. Материалом для анализа являются контексты употребления вводного слова *короче*, извлеченные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [15].

Итак, вводное слово *короче* относится к вводным словам наречного типа и образовалось в устно-разговорной речи в результате сокращения вводного сочетания слов *короче говоря* [3–5]. Оно относится к семантической группе вводных слов, которые указывают на приемы и способы оформления мыслей, на экспрессивный характер высказывания [5]. В «Русской грамматике» (1980) предлагается следующее значение для данной «лексико-синтаксической группировки» вводных слов и словосочетаний: ‘отношение к стилю, к манере речи, к характеру и способу изложения’, которое выражается такими вводными словами и словосочетаниями: *словом, одним словом, короче (говоря), вообще (говоря), иначе говоря, так сказать, другими словами, лучше сказать, грубо выражаясь, мягко выражаясь, по правде говоря, между нами говоря, смешно сказать, сказать по совести* [6, с. 230].

Нетрудно заметить, что данные формулировки не позволяют отграничить семантику непосредственно интересующего нас слова *короче* от других слов данной семантической группы. Поэтому необходимо дополнить приведенные выше результаты анализа описанием лексикографических данных. Далекое не во всех основных русских толковых словарях имеются толкования лексемы *короче* во вводном употреблении. Так, полностью отсутствует ее толкование в МАС [16] и в словаре Т.Ф. Ефремовой [17], а в БАС для этой лексемы просто кон-

статируется наличие функции вводного слова, но толкование также не приводится [18]. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова также акцентируется внимание на синтаксической функции вводного слова, которая, правда, на этот раз приводится, а значение дается через синонимы: «*короче (говоря)* – употр. в знач. вводного слова при заключительной краткой формулировке, выводе из сказанного: словом, итак» [19]. Только в «Большом толковом словаре современного русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова встречаем краткую формулировку непосредственно значения: «*короче говоря* см. *короткий*; в зн. вводн. словосоч. Подводя итог, заключая сказанное» [20]. Самое подробное толкование представлено в более современном «Большом универсальном словаре русского языка» (2022): «*КОРОЧЕ ГОВОРЯ, КОРОТКО ГОВОРЯ* и разг. *КОРОЧЕ*, вв. сл. 1.0. Употр. для выражения того, что говорящий, отказываясь от подробностей, объяснений, кратко излагает суть дела. □ *У меня к тебе большая просьба: мне очень неловко, но я тебе потом всё объясню, – короче говоря, мне нужны деньги.* 1.1. Употр. при окончании речи, изложения для выражения того, что далее следует вывод, подводящий итог сказанному. □ *Вечно ты недоволен, ворчишь, угодить тебе невозможно, что ни скажешь, всё не так, – короче говоря, ты невыносим.* ● 1.1.1. Употр. в начале реплики для выражения того, что говорящий делает вывод из всего сказанного собеседником. *Ты знаешь, мы в этом месяце купили телевизор, а тут ещё гости приехали. – Короче говоря, тебе нужны деньги, так?»* [21].

В результате анализа лексикографических данных мы можем дать обобщенную формулировку значения вводного слова *короче*, которое реализуется в трех разновидностях **метаязыковой** (т.е. направленной на оформление высказывания, а не на внеязыковую реальность) функции, как правило, в диалогической речи: (1) указание говорящего на последующее краткое изложение, суммирование описываемой ситуации, на обобщающий вывод; (2) указание говорящего на последующее подведение итога собственной речи – при окончании высказывания; (3) указание говорящего на последующее подведение итогов речи собеседника – в начале высказывания. Для всех трех разновидностей указанных метаязыковых употреблений можно выделить общий прагмасемантический компонент, вытекающий из внутренней формы исходного наречия *короче*: использование вводного слова *короче* в диалоге является сигналом последующего итогового **сокращенного** изло-

жения речи (собственной или собеседника) либо внеязыковой ситуации (известной говорящему и собеседнику или только говорящему).

Все три указанные разновидности метаязыковых употреблений представлены в контекстах, извлеченных из Национального корпуса русского языка:

(1) *Одна мама после трагической гибели своей дочери никак не могла забыть, как не оставила ей накануне кусок жареной курицы на ужин. «Если бы я знала тогда, что это будет последняя курица в ее жизни», – повторяла она. **Короче, мы испытываем чувство вины** [НКРЯ – Евгения Власова. Дети и смерть // «Домовой», 2002.08.04];*

(2) *На этот раз гаишников не было, и у разворота стояли машин, наверное, пять, ждали, пока пройдет поток, чтобы развернуться. Я был с женой и ребенком. Симферопольское шоссе было очень скользким, машины еле ползли. К тому же дорогу замело, и сыпал снег. **Короче, один из худших вариантов** [НКРЯ – Андрей Колесников. Бублики Мондео // «Автопилот», 2002.01.15];*

(3) *Сдал-то я хорошо. Вернее, это я думаю, что хорошо. А вот что подумают господа офицеры, включая шурупа... Откуда мне знать? // – **Короче, – перебил его Рихард. – Ты согласен или не согласен?** [НКРЯ – Владимир Васильев. Шуруп (2013)].*

Однако примечательно, что употребления в указанных трех разновидностях метаязыковой функции составляют меньшинство в массиве собранного нами корпусного материала, который составил 1369 примеров из 734 текстов. В большинстве же случаев при использовании в диалогическом дискурсе вводного слова *короче* мы не наблюдаем никакой установки говорящего на сокращение информации, на краткое изложение того, о чем говорилось, или того, что происходило. Об этом свидетельствует и примечательное шутовое определение *короче*, приводимое в социальных сетях: «КОРОЧЕ – вводное слово, как правило, увеличивающее рассказ в два раза» [vk.com/just_wiki]. Иначе говоря, нередко после речевого сигнала *короче* в диалогической реплике следует фрагмент текста ничуть не короче предыдущего, а зачастую – даже длиннее.

Так, в следующем примере: *В первой половине девятнадцатого века Баргузин стал местом ссылки политических и неблагонадежных, короче, тех, кто представлял угрозу «устоям общества» [НКРЯ – Дина Рубина. Медная шкапулка (2011–2015)]* – после слова *короче*, призванного сигнализировать о последующем сокращении изложенного ранее (фрагмент *политических и неблагонадежных*), идет, напротив,

более подробная, детальная расшифровка сказанного ранее (фрагмент *тех, кто представлял угрозу «устоям общества»*).

Иначе говоря, после речевого сигнала *короче* идет не сокращение, а детализация сказанного ранее (что не *короче*, а длиннее), как и в следующем примере: *Сюжет из моей жизни... однажды пару лет назад меня «укусил» ротвейлер за ухо... **короче, это самое ухо моё бедное болталось на кусочке кожи**, когда я принёс его в руках к доктору и сказал ему «Доктор, пришлите мне, пожалуйста, ухо обратно»... [НКРЯ – Форум: Хватит губить детей! (2011)].*

Детализированная информация после вводного слова *короче* может выступать как расшифровывающая интерпретация описываемых ранее конкретных событий, что также «удлиняет» фрагмент после *короче*, например: *Снимал комнаты, углы, что-то зарабатывал – **короче, первые пять лет московской жизни не очень хочется вспоминать** [НКРЯ – Виталий Вульф. Преодоление себя (из книги «Серебряный шар») // «Октябрь», 2002].*

Это связано, на наш взгляд, со специфическими установками говорящего при употреблении данного вводного слова. Во многих случаях метаязыковой показатель *короче* маркирует установку говорящего не на сокращение сказанного ранее или подведение итогов сказанному, а на его переформулирование в интересах говорящего, с нужных ему позиций: *... и потому он приходит в бешенство, когда Франция делает глупости, прогибается, например, перед Америкой, **короче, делает не то, что ей полагается делать по ее божественному и вместе с тем вольтерьянскому предназначению** [НКРЯ – Виктор Ерофеев. Держите крепче Депардь! // «Огонек», 2013].*

Как видим, в подобных случаях не реализуется установка – сказать кратко. Осуществляется как бы переизложение сообщаемого ранее, но другими словами, с расставленными иначе смысловыми акцентами: *На самом деле, это был мир, не так уж сильно отличающийся от нашего, если я смею судить, та же Европа, с ее торговыми путями, ее родственными и духовными связями – Рим, **короче, не многим дальше был от Лондинума тогда, чем теперь...** [НКРЯ – Алексей Макушинский. Город в долине (2012)].*

Отметим, что в подобных случаях установка на подведение итогов, сокращение изложенного ранее, которая в узусе закреплена за вводным словом *короче*, как бы маскирует другую, неявную, скрытую от адресата установку говорящего на навязывание своей точки зрения, своей интерпретации или оценки того, о чем сообщается: *Многие преподаватели со стажем отме-*

чают такой парадокс: хотя конкурс даже упал, студенты в целом не стали хуже. Они хотят учиться и готовы много работать. **Короче**, в некотором смысле развитие денежных отношений пошло сильным вузам даже на пользу [НКРЯ – Анна Фенько. Студент всегда прав // «Коммерсантъ-Власть», 2002]

При этом информация в выводном фрагменте высказывания, маркированном словом *короче*, далеко не очевидно следует из того, что сказано ранее, логически не выводится из него: *К отдельным нерадивым, нарушающим правопорядок, следует применять иные меры воздействия, надо знать законы, надо заниматься аналитической работой, короче, служить в милиции очень даже интересно* [НКРЯ – Три решения – три судьбы (2007) // «Родина», 2011].

Нередко эта выводная информация весьма сомнительна, недостоверна или, по крайней мере, может быть оспорена: *Казалось бы, у него есть все: верность, великодушие, дружба, умеренная, нормальная, средняя любовь – короче, все то, что можно заранее просчитать и рационально измерить* [НКРЯ – В завитках раковины (2003) // «Театральная жизнь», 28.07.2003].

Подобное переосмысление изложенного в интересах говорящего, вводимое в дискурс посредством слова *короче*, может использоваться в целях иронически сниженной трактовки описываемой ситуации, например: *Следующим выступает представитель разработчика этой аппаратуры (не помню кто, ну да это не так важно, поскольку подобных эпизодов было много) и пытается очень неуклюжими доводами отвести обвинения (короче, всем достаточно ясно, что он несет околесицу)* [НКРЯ – Борис Перовский. Доверие патриарха (2003) // «Воздушно-космическая оборона», 15.08.2003].

Для создания приема иронии в таких случаях может использоваться речевая стратегия эфемизации: *Если уж полководец бросил пост, ускакал, короче, не удержался, этому сюда нечего и тыкаться* [НКРЯ – Анатолий Найман. Колыбель (2012) // «Октябрь», 2013]; *В шкафу из романа «Т» пахнет, как в стихах Бунина, древними выветрившимися духами, что-то с мускусом... Интересуется, короче, наш автор высокой литературой. И околелитературой тоже* [НКРЯ – Вячеслав Курицын. Квест война // «Однако», 2009],

– или стратегия иронического перифразирования: *Англичане же посоветовали мэру города Евгению Белову обязать население самостоятельно сортировать мусор и не менее самостоятельно отвозить его в пункты приема... Короче, Оксфорд из Омска не получился* [НКРЯ – Омский мусорный абзац // «Криминальная хроника», 2003.06.10].

Все приведенные выше разнообразные случаи использования метаязыкового показателя *короче* как средства переосмысления сказанного ранее в интересах говорящего могут квалифицироваться как разновидность приема «языковой демагогии», которая в монографии Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева именуется как «переинтерпретация чужих воззрений или высказываний в соответствии со своими исходными посылками» [12, с. 472]. Реализуется этот прием посредством использования манипулятивной речевой стратегии *de re* вместо кооперативной стратегии *de dicto* (две указанные риторические стратегии как два типа интерпретации чужого мнения и чужой речи известны еще с античной риторики). «При стратегии *de dicto* говорящий использует номинации, которые счел бы адекватными и субъект передаваемого мнения; при номинации *de re* говорящий все переименовывает в соответствии со своими представлениями о реальности. <...> Стратегия *de dicto* направлена на адекватную передачу чужого мнения; стратегия *de re* всегда маркирована и выбирается со специальной целью» [12, с. 474]. Нетрудно видеть, что во всех рассмотренных выше примерах посредством использования маркера сокращения *короче* маскируется (с разными целями говорящего) факт указанной переинтерпретации сказанного ранее в соответствии со своими исходными посылками. Вводное слово *короче* в этих случаях приобретает имплицитное значение «иными словами», «иначе говоря», маскирующее скрытое указание на точку зрения самого говорящего.

Произвольность употребления вводного слова *короче* в отрыве от его языковой семантики и функции делает возможными явления, которые можно отнести к коммуникативно-прагматическим аномалиям, в духе работы [11]. Речь идет о случаях, когда между комментируемым фрагментом или фрагментом, вводимым с помощью *короче*, возникают отношения логического противоречия или алогизма, например: *Что в Бога веруете, жалеете, что советская власть притесняет интеллигентов всяких, учёных, короче, – буржуев* [НКРЯ – Мацанов. Мастер и подмастерье (2016) // «Ковчег», 2015], – где понятие «буржуи» логически несовместимо с понятиями «интеллигент», «ученые», не может их уточнять или обобщать.

В примере: *Если б создалась, мы бы, может, простили вранье, так она же, короче, стала оправдываться... будто она чуть ли не в церковь ходит давно...* [НКРЯ – Сергей Носов. Фигурные скобки (2015)] – логическая несовместимость связана с аномальным употреблением вводного слова *короче* в обобщающей функции в роли сопоставительно-противительного союза *а*.

В примере: *Ну... она сейчас живет в Мадриде, вышла замуж: лет пять назад, у него издательство, и ля-ля-ля, он такой элегантный, вежливый, обожает ее, – короче, терпеть его не могу!* [НКРЯ – Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009)] – логическое противоречие на содержательном уровне порождается из-за аномальной аргументации: признаки «элегантный», «вежливый» в общепринятом смысле не могут быть основанием для вывода о неприязни их носителя.

Стилистические особенности вводного слова *короче*, обусловленные его преимущественным бытованием в непринужденной устно-разговорной речи, породили другой аспект его смыслового обогащения и функциональной вариативности, а именно – его **эмоционально-экспрессивный потенциал**. Так, вводное слово *короче* может быть сигналом ввода в дискурс оценочной переинтерпретации того, о чем говорилось раньше, например: *У него в руке был свернут в трубочку какой-то документ или чертеж – короче, что-то важное, что страстно обсуждали они с приятелем, перед тем как появился Дуду* [НКРЯ – Дина Рубина. Медная шкатулка (2011–2015)].

Слово *короче* может выступать как метаязыковой показатель последующей экспрессивной и эмоционально-оценочной характеристики:

– лица: *В этот самый опасный миг из-за спин застывших в замешательстве мужчин выныривает тот странный легкомысленный свидетель, тот случайный чей-то приятель или родственник – короче, ковровый делега с ямочками на щеках...* [НКРЯ – Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)];

– особенностей поведения: *Дети висли на волосатых ногах, карабкались, пытаясь забраться на плечи, били по большой, гулкой голове, страшно орал, визжали, короче, вели себя как дети* [НКРЯ – В.Б. Бочков. Счастье с доставкой // «Волга», 2013];

– изображаемой ситуации в целом: *Старшие дети работают, Панкрашин постарался, помог кому с трудоустройством, кому с бизнесом, у всех хорошее жилье, машины, короче, у всех все в полном шоколаде* [НКРЯ – Александра Маринина. Последний рассвет (2013)].

По сути, в этих случаях мы тоже имеем дело с переосмыслением, переформулированием сказанного ранее, но только не в информативном, а в коннотативном, эмоционально-характеризующем аспекте.

Особой разновидностью реализации эмоционально-экспрессивного потенциала вводного слова *короче* в диалогической коммуникации является функция привлечения внимания собе-

седника, которая уже совсем ничего общего не имеет с исходной установкой на сокращение изложенной ранее информации или тем более – на подведение итога, обобщение: – *Потом расскажу. Ты, короче, слушай. Я ей ну все как есть: где-где – уехали они* [НКРЯ – Леонид Сторч. Вечер осенний // «Менестрель», 2015]; – *Представь себе, моя разнонаправленная кошка, что красивые слова должны быть выстроены в красивом порядке. Ну, короче, слушай сюда!* [НКРЯ – Наталья Войцук. Посоветоваться с Алисой (2015)].

Такое *короче* употребляется также как сигнал смыслового или эмоционального акцентирования нужной для говорящего информации в речевой зоне собеседника: – *Борзый, чо ли? Не борзей, с миром я. // – Хотел-то чего? // – Короче, нам в команду нужны серьезные ребята, кто не очканет в ответственный момент. Рукастые, с головой, усек, да? Настоящие такие пацаны* [НКРЯ – Сергей Кубрин. Розовый танк // «Волга», 2015].

Еще один аспект семантических и прагматических особенностей речевых употреблений вводного слова *короче* в неформальной, непринужденной диалогической коммуникации характерен для просторечно-разговорной и жаргонной среды. Это слово часто используется в роли **слов-паразитов**. «Слова-сорняки, или слова-паразиты, засоряют нашу речь. В их роли часто выступают обычные вводные слова (значит, в общем, прямо скажем, *короче* говоря, можно сказать, как говорится и подобные), частицы, местоимения, междометия (ну, вот, это, как его и другие), служащие для выражения разнообразных модальных и прочих оттенков смысла высказывания. Но употребленные часто и немотивированно в одном речевом акте, они превращаются в паразитический словесный материал» [22, с. 201].

В последнее время именно вводное слово *короче* активно употребляется в функции слов-паразитов. Слова-паразиты такого рода не имеют информационной ценности в высказывании, они не выражают эмоцию или оценку, часто маркируют самоповторы или обрывы речи: *Мы приедем, посмотрим, оценим, можно? Ну, мы, короче, приедем* [НКРЯ – А.Б. Сальников. Петровы в гриппе и вокруг него // «Волга», 2016]. – Будучи употребленными немотивированно, они негативно влияют на понятность, чистоту и точность речи, затрудняют коммуникацию.

Будучи не связанными по смыслу или эмоционально ни с одним из компонентов высказывания, они могут занимать в нем совершенно произвольную позицию, даже разрывая синтагму, например: «*Батя, сделай мне рыбы*»... – пи-

сал из Красноярска Серега, – путёвой, осетрины, ведра четыре, **флягу, короче, молочную**, на «Матросове» у меня Славка, механик, он в курсе...» [НКРЯ – Михаил Тарковский. Стройка бани // «Роман-газета», 2018]; – Сам я не видел, – неохотно признался Сергей-Саид. – Ребята, **короче, видели** [НКРЯ – А.А. Уткин. Крепость сомнения (2010)].

При этом использование слов-паразитов может быть обусловлено когнитивными факторами – поиском нужного слова, заполнением паузы для раздумья. Кроме того, «иногда наличие их в речи обусловлено внутренним состоянием говорящего (взволнованностью, растерянностью и т.д.)» [22, с. 202]: *Ну, я ей, **короче**, все как есть: комнату государству сдали – и зазря... дом-то у нас перспективный* [НКРЯ – Леонид Сторч. Вечер осенний // «Менестрель», 2015]; – ***Короче**, захожу, – Поваренок уже в который раз рассказывал, – у них там тишина, как в морге. Злыи-и-и!! Колька Бадмаев, дежурный, сидит на входе. С калашом!* [НКРЯ – Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013].

Но в целом такие употребления вводного слова *короче* говорят о бедности лексикона говорящего, об отсутствии значительных мыслей и незнании предмета речи. Также такие употребления могут свидетельствовать о принадлежности говорящего к определенному маргинализованному социальному слою, демонстрируют слабое владение культурой мышления и речи, недостаточный уровень образованности говорящего и т.д.

В заключение отметим, что проведенное исследование позволило обнаружить значительные смысловые приращения вводного слова *короче* в современной русской речи, не сводимые к его типовой семантике 'кратко говоря' в словарях и грамматиках. Также выявлено и его функциональное многообразие в разных речевых практиках: *короче* может выступать как метаязыковой показатель манипулятивной коммуникативной стратегии *de re*, как сигнал иронической или эмоционально-оценочной переинтерпретации последующего высказывания с позиции говорящего, как средство привлечения внимания собеседника, а также как слово-паразит, затрудняющее коммуникацию.

Список литературы

1. Головин Б.Н. Основы теории синтаксиса современного русского языка: Учебное пособие для вузов. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 1994. 170 с.
2. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 63–84.

3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд. 3-е. М.–Л.: Высшая школа, 1986. 642 с.

4. Современный русский язык: Учебник для вузов / Под ред. П.А. Леканта. 5-е изд. М.: Издательство «Юрайт», 2024. 493 с.

5. Современный русский язык: Учебник / Под ред. Н.С. Валгиной. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2002. 528 с.

6. Русская грамматика: в 2 т. Т. II. Синтаксис / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 714 с.

7. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: Коллективная монография / Под ред. Л.В. Рацбургской. М.: ФЛИНТА; Наука, 2016. 304 с.

8. Иссерс О.С. Более полувека под зонтиком коммуникативных стратегий // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 2. С. 243–256. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256.

9. Радбиль Т.Б., Помазов А.И. Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте интернета // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19. № 1. С. 140–153. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.1.12.

10. Радбиль Т.Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2019. С. 23–35.

11. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Дис. ... докт. филол. наук. М.: Московский педагогический государственный университет, 2006. 495 с.

12. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.

13. Чернявская В.Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 31–37.

14. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: Коллективная монография / Под ред. Л.В. Рацбургской. М.: Флинта, 2021. 328 с.

15. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 03.08.2024).

16. Словарь русского языка: В 4 т. (МАС) / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. II. К–О. 1986. 736 с.

17. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. М.: Русский язык, 2000. Т. I. 1088 с.

18. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. (БАС). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. V: И–К. 1956. 965 с.

19. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Терра, 1996. Т. I: А–К. 1064 с.

20. Большой толковый словарь русского языка / В 2 т. / Под ред. В.В. Морковкина. М.: АСТ–Пресс, 2023. Т. I: А–О. 1472 с.
21. Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка: 1536 с.
22. Плещенко Т.П., Федотова Н.В., Чечет Р.Г. Стилистика и культура речи: Учебное пособие / Под ред. П.П. Шубы. Минск: ТетраСистемс, 2001. 544 с.

SENSE TRANSFORMATIONS AND PRAGMATIC FUNCTIONS OF THE INTRODUCTORY WORD «KOROCHЕ» («IN SHORT») IN MODERN RUSSIAN SPEECH

Mohammad Mohammadian Souteh

The work considers the semantic and pragmatic features of the functioning of the introductory word “koroche” (“in short”) in modern Russian speech. The material for the analysis is the contexts of its use extracted from the Russian National Corpus. It is shown that in the speech implementation of the introductory word “koroche” (“in short”) there are significant semantic increments that cannot be reduced to its typical semantics ‘briefly speaking’ in dictionaries and grammars: it can mean ‘otherwise speaking (in other words)’, ‘in general’, ‘on the contrary’, ‘you see’, ‘pay attention’, etc. Also, for the introductory word “koroche” (“in short”) a substantial functional diversity was found in different speech practices. It is concluded that the analyzed introductory word “koroche” (“in short”) can act as a meta-language indicator of the manipulative communicative strategy *de re*, as a signal of ironic or emotional-evaluative reinterpretation of the subsequent utterance from the position of the speaker, as a means of attracting the attention of the interlocutor, and also as a parasite word that complicates communication.

Keywords: introductory word “koroche” (“in short”), semantic transformations, pragmatic functions, manipulative communication, strategy *de re*, parasite words, modern Russian speech.

References

- Golovin B.N. Fundamentals of syntax and theory-sinned temporarily Russian: Textbook for university. N. Novgorod: This is decreasing-Nizhny Novgorod University Laughed, 1994. P. 170.
- Shcherba L.V. Russian language selected works of the boiler. M.: Uchpedgiz, 1957. P. 63–84.
- Vinogradov V.V. Russian language. The grammatical teaching of the word. Ed. 3. M.–L.: Higher School, 1986. p. 642.
- Modern Russian: A textbook for universities / Edited by P.A. Lekant. 5th ed. M.: Yurayt Publishing House, 2024. 493 p.
- Modern Russian sin: Textbook / land rent. boiler. N.S. Volgin. The 6th is decreasing., redevelopment ne dopov. M.: Logos, 2002. p. 528.
- Russian grammar: in 2 volumes. Vol. II. Syntax / Chief editor N.Y. Shvedova. M.: Science, 1980. 714 p.
- New trends in the Russian language at the beginning of the 21st century: A collective monograph / Ed. by L.V. Ratsiburskoy, M.: FLINTA; Science, 2016. 304 p.
- Issers O.S. For more than half a century under the umbrella of communicative strategies // Communicative research. 2020. Vol. 7. № 2. P. 243–256. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256.
- Radbil T.B., Pomazov A.I. Precedent phenomena as a means of creating attractiveness in the polycode text of the Internet // Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics. 2020. Vol. 19. № 1. P. 140–153. DOI: 688 10.15/jvolsu2.2020.1.12.
- Radbil T.B. Faith as the basis of world perception and world understanding in the Russian linguistic worldview // Linguocultural studies. Logical analysis of language. The concept of faith in different languages and cultures / Ed. by N.D. Arutyunova, M.L. Kovshova. M.: Gnosis, 2019. P. 23–35.
- Radbil T.B. V. the analysis of which Linguistic properties of the text: Dissertation of the Doctor of Philology. M.: Moscow Pedagogical State University, 2006. P. 495.
- Bulygina T.V., Shmelev A.D. Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar). M.: Languages of Russian Culture, 1997. 576 p.
- Chernyavskaya V.E. Discursive analysis and corpus methods: a necessary evidentiary link? Explanatory possibilities of qualitative and quantitative approaches // Questions of cognitive linguistics. 2018. № 2. P. 31–37.
- The Russian language in Internet communication: linguistic, cognitive and pragmatic aspects: A collective monograph / Edited by L.V. Ratsiburskaya. M.: Flint, 2021. 328 p.
- National Corpus of the Russian Language (NCRR) [Electronic resource]. Access mode: <http://www.ruscorpora.ru> (Date of access: 03.08.2024).
- Dictionary of the Russian language: In 4 v. (MAS) / USSR Academy of Sciences, Institute of the Russian Language; Edited by A.P. Evgenieva. 3rd ed., stereotype. Moscow: Russian language, 1985–1988. Vol. II. K.–NE. 1986. 736 p.
- Efremova T.F. New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-forming: In 2 volumes. M.: Russian Language, 2000. Vol. I. 1088 p.
- Dictionary of modern Russian literary language: In 17 volumes (BAS). M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950–1965. Vol. V: I–K. 1956. 965 p.
- Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 volumes / Edited by D.N. Ushakov. M.: Terra, 1996. Vol. I: A–K. 1064 p.
- The Great explanatory dictionary of the Russian language / Comp. and chief editor S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 2000. 1536 p.
- Morkovkin V.V., Bogacheva G.F., Lutskaya N.M. The Great Universal Dictionary of the Russian language: In 2 volumes / Edited by V.V. Morkovkin. M.: AST–Press, 2023. Vol. I: A–O. 1472 p.
- Pleshchenko T.P., Fedotova N.V., Chechet R.G. Stylistics and culture of speech: A textbook / Ed. by P.P. Shuba. Minsk: TetraSystems, 2001. 544 p.